

РОССИЯ XXI ВЕК

исследование дилетанта

Продолжение. См. начало в № 15 нашего журнала

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

*«Без аристократии и от монархии,
и от демократии не остается ничего, кроме тирании».*
Астольф де Кюстин «Россия в 1839 году»

*«Всякая власть имеет тенденцию развращать,
а абсолютная власть развращает абсолютно»*
Лорд Джон Эктон

*«Прочность всякой власти прямо пропорциональна
ее терпимости к возражающим»*
Яков Кротов

России всегда не везло с правителями. Разделённая испокон веков на две неравные части, страна и жила, как бы, двойной жизнью, в которой большинство — народ, существовал сам по себе, по своим законам и правилам, а небольшая в количественном отношении элита — по своим. Жизненные пути этих двух составляющих российского народа редко соприкасались друг с другом. Народ всегда не любил власть, какой бы она не была, и относился с подозрением к любым её начинаниям, а властям лишь в редких случаях требовался народ. Чаще всего для того, чтобы отдать свою жизнь в очередной военной афере, затеянной властью либо по причине неуёмной жадности, либо вследствие неумелой дипломатии. «Ничего доброго, ничего достойного уважения или подражания не было в России. Везде и всегда были безграмотность, неправосудие, разбой, крамолы, личности угнетение, бедность, неустройство, непросвещение и разврат. Взгляд не останавливается ни на одной светлой минуте в жизни народной, ни на одной эпохе утешительной» — так оценивал российскую жизнь философ-славянофил А.С. Хомяков.

Феномен не является российским, по той же схеме развивались и все другие государства, в силу тех или иных обстоятельств, находящиеся теперь на более высокой стадии общественного развития и уже давно научившиеся пользоваться свободой. Россия же всё никак не может выбраться из плена рабовладельческо-феодального сознания, и продолжает бродить в потёмках рабства. Попытки освободиться, естественно, предпринимались. Первыми были декабристы, вдохнувшие полной грудью европейского воздуха свободы во время погони за Наполеоном. Затем последовали экономические реформы Александра II, положившие начало развитию современного общества, но постепенно сведённые на нет его сыном и внуком. Те полвека нарождающегося капитализма успели всё-таки изменить русского человека. В результате, возник диссонанс между освобождённым сознанием и реакционными действиями властей, пытавшихся вернуть бытие к старому порядку. Ошибочно приняв появление в России террористических организаций за следствие либеральной политики Александра II, его сын и внук принялись «закручивать гайки». От чего террористов стало только больше, а их действия стали систематичными и дерзкими. Иначе и не могло быть, ибо русский террор, на самом деле, был не следствием дарованной царём свободы, а запоздалым ответом на прежнюю несвободу. Русский народ, как известно, «долго запрягает». «Вы говорите, что люди прежде грабили и били, и вы боитесь, что ограбят и перебьют друг друга, если не будет вашей власти. Это может быть, а может и не быть, но то, что вы губите

Коронационные регалии российских императоров

тысячи людей в тюрьмах, каторгах, крепостях, ссылках, разоряете миллионы семей и губите в солдатстве физически и нравственно миллионы людей, — это не предполагаемое, а действительное насилие, против которого, по вашему же рассуждению, должно бороться насилием. И потому те, против которых, по вашему же рассуждению, несомненно нужно употребить насилие, — вы сами». Эти слова написаны не народником-террористом и не членом радикальной партии большевиков. Это мнение графа Толстого. В России часто идеализируют дореволюционное время, считая, что главной бедой страны был приход к власти большевиков. Однако, «ничто не появляется ниоткуда», и большевики были логическим следствием предыдущей внутренней политики царской России, которая и привела к коллапсу, взорвавшему всю систему и страну, ввергнув её в череду кровавых войн и революций. Последняя из них, приведшая к власти большевиков, сделала то, к чему, собственно, стремились и последние российские монархи — вернула Россию назад во времена абсолютной власти и феодального экономического уклада. Вместе с этим к россиянину вернулось и соответствующее сознание. Апофеозом того времени можно считать Февраль-

скую революцию, которая, вроде бы, снова освободила российский народ. Однако, не имея политического опыта, народ не смог воспользоваться свободой подобающим образом. Как ни прискорбно, но прав оказался «неистовый Виссарион» (В. Г. Белинский), написавший еще в первой половине XIX века: «Не в парламент пошел бы освобожденный русский народ, а в кабак побежал бы пить вино, бить стекла и вешать дворян». Так и вышло: и стекла поперебили, и дворян — тоже. Досталось бы, если б дожил, и помянуть тому выше графу Толстому, невзирая на его взгляды и гениальность. Либо мужички подсадили на вилы в Ясной Поляне, либо ГПУшники приставили к стенке как представителя «класса экспроприаторов».

Виссарион Григорьевич Белинский
(1811 – 1848)

*русский писатель, литературный критик,
публицист, философ-западник.*

Свет свободы снова замаячил в конце 1980-х, за что ещё будут поставлены памятники М. Горбачёву, когда его вклад в освобождение русского народа будет оценен объективно, без примеси сиюминутных политических оплошностей и ошибок. Однако, свобода напугала как сам народ, так и новую российскую власть. И уже с 1992-го власть повернула опять в сторону «закрепощения». Жаль, что и народ не только не воспротивился этому, но даже был рад возвращению к прежнему состоянию. «Ликвидация свободы частного предпринимательства, едва наметившейся, Гайдаром весной 1992 года, когда был отменён указ о полной свободе торговли — первый и самый мощный удар по свободе политической. Была изъята экономическая основа свободных выборов. Вторым ударом стало сохранение зависимых от власти судов и тайной политической полиции. На этом фоне путинские меры — отмена выборов в верхнюю палату парламента, отмена выборов губернаторов, отмена нижнего предела количества голосующих — лишь косметические меры, без которых можно было бы и

обойтись, без которых обходилась коммунистическая диктатура». В таких политических тонкостях разбирается российское духовенство в лице Якова Кротова. Свобода — прежде всего ответственность, и быстро поняв это, российский народ не стал нагружать себя такой ношей. К сожалению, без свободы Россия не сможет двигаться вперёд не только в развитии общественных отношений, но и в экономике, от которой напрямую зависит и уровень жизни россиян. В очередной раз продав «душу дьяволу», фактически, за кусок хлеба, русский народ показал своё малодушие и незрелость. Мне врезалась в память статья, в которой учитель московской школы защищал только что уволенного мэра Лужкова, мотивируя это тем, что последний распорядился доплачивать учителям по 15 тысяч в месяц. Вот цена лояльности современного российского интеллигента — 15 тысяч. Причём, не из своего же кармана доставал Лужков эти деньги, а из того же московского бюджета, из которого черпал и сам, но уже не тысячами, а миллиардами. Но это не интересует московского учителя, он готов за свою пятнашку простить чуткого мэра. Я уже не говорю о том, что такие решения не принимаются единолично, и заслуга Лужкова в этих надбавках, если и есть, то не более, чем один голос «за» при утверждении в Правительстве Москвы. И этот человек, к тому же, является учителем! Чему он может, и чему научит несчастных московских детей?

Чем раньше русский народ осознает необходимость свободы для себя, тем быстрее жизнь в стране наладится. Какой-то из Людовиков сказал, что «народ достоин своего короля». Не знаю, насколько правильно это отражает действительность при династическом правлении, но, предвосхитив будущее, король французов точно описал ситуацию демократического государства. Власть избирается народом из своих же представителей и действует таким образом и до тех пор, пока народу этого угодно. Исходя из этого, любая избранная власть является легитимной. Убоявшись свободы, русский народ получил такую власть, и такую форму демократии, которые только и возможны в обществе, где свободы нет. Я не защищаю нынешнюю власть, я просто считаю её логическим продолжением власти предыдущей.

Демократия — правильный шаг вперёд. Однако, не стоит обольщать себя тем, что шаг этот достаточен. Демократия является способом правления обществ свободных людей, ибо она наиболее близко отвечает их потребностям. Тем не менее, демократия — лишь первый, и уже достаточно архаичный, шаг на длинном пути к нормальным общественным отношениям. И если для России демократия как форма правления в сочетании со свободным обществом является пока

лишь возможной перспективой будущего, то Европа уже дожила до стадии, когда демократия препятствует её дальнейшему общественному и экономическому развитию. В любом деле архиважной величиной является мера. Доведённое до крайности, всё становится абсурдом, превращаясь в противоположность самому себе. «Всё есть лекарство, и всё есть яд — всё дело в дозе» — сказал Парацельс. Демократия — не исключение. Вырвавшаяся из границ определённой «дозы», она становится вредна сама себе. Нынешнее положение европейских стран является тому лучшим доказательством. Европа уже готова перейти к следующей стадии политического правления — народовластию. Единственным препятствием к этому стала развившаяся в последние десятилетия неуёмная жадность. XX век стал во многих отношениях переломным для всего человечества, однако, развитие прикладных наук привело к неожиданной популяризации атеизма. Что не могло не сказаться и на жизненных устоях жи-

Парацельс (настоящее имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм (1493 – 1541)

знаменитый алхимик, врач, оккультист и христианский маг. Ему также приписывается именование цинка.

телей некогда христианской Европы. Атеизм, так же как и христианство, является религией. Христиане верят в Бога, а атеисты в него не верят. И те, и другие не могут доказать своих убеждений с научной точностью. Однако, вредным атеизм делает не это, а отрицание всей философии христианства, основанной, прежде всего, на идее бессмертия души. Если представить себе, что жизнь человека ограничена его физическим существованием, и после этого будет лишь пустота, то меняется психологическая основа человеческого бытия. Всё нужно успеть в течение короткой жизни. Такая психология вполне соответствует капиталистической экономической модели, основанной

на потреблении, и поэтому всячески популяризируется системой. В развенчании этой утопии могла бы помочь церковь, но, к сожалению, и она превращена в капиталистических странах в магазин по продаже христианских ценностей. Уже сегодня в странах Западной Европы и в Америке наметились общественные движения, пытающиеся бороться с захлестывающей эти страны жадностью и стяжательством. Уверен, что сопротивление будет лишь усиливаться, ибо, в противном случае, Европу ожидает гораздо больший коллапс, чем это было в России в 1917.

России, однако, повезло и в этом плане. Здесь никогда не было свободы, поэтому страна может пройти демократическую стадию правления быстро. И пойти дальше, уже опережая страны Западной Европы. На сегодняшний день единственным препятствием на этом пути является действующая власть. Режим, установившийся в России, завёл сам себя в тупик, выход из которого весьма сложен. Похоже, что целью сегодняшней российской власти было личное обогащение (как и любой другой ОПГ). Эта цель ими уже давно и успешно достигнута, однако, по пути возникли некоторые мало предвиденные ими, в силу слабых интеллектуальных данных, препятствия. Поскольку обогащение происходило не вполне законными способами, гарантией безнаказанного пользования его благами является лишь продолжение пребывания у власти. Любой обладатель власти сталкивается с необходимостью делить свои время и усилия между теми функциями, которые предполагает его должность и направленными на сохранение своего положения действиями. Эффективность деятельности такого субъекта, отчасти, зависит от того, насколько много усилий прилагается к последнему. Демократическая форма правления предполагает простой способ выхода из этой ситуации — законодательно предусмотренная сменяемость власти. В случае российской власти, «оборонительная» функция, которая должна быть побочной, и которая в развитых странах сведена практически к нулю выборностью и сменяемостью, стала основной. Укрепление собственной власти поначалу было гарантом получения доступа к обогащению, впоследствии же, наоборот, власть стала обеспечивать сохранность добытого богатства. К сожалению, в деятельности российской власти не усматривается никаких иных действий, в том числе ничего того, чем власть обязана заниматься. Трагедия российских правителей состоит в том, что власть им больше не нужна, ибо они уже добились того, что от неё хотели, как, по-видимому, не нужна и Россия, но и уйти они не могут, боясь грядущей ответственности за свои деяния. В этом же тупике находится и российский народ: нормальное развитие страны при этой

власти невозможно, но реальной силы, могущей сменить её тоже не видно. Те, кто сегодня заявляют себя как оппозиция, на самом деле являются лишь повторением уже имеющегося. Большая часть российской оппозиции состоит из людей уже побывавших у власти, которые, однако, за время, отведённое им для преобразований, не достигли ничего значительного. Их сегодняшние программы состоят, в основном, из критики сегодняшней власти, оттого, наверное, и не вызывают большого доверия в народе. Создаётся впечатление, что длинные списки украденного властью у народа составляются ими для того, чтобы не забыть переписать всё это на своё имя, когда они сменят теперешних правителей. Остальные тоже слабо себе представляют пути дальнейшего развития России, ибо, чаще всего, опираются на неправильные знания и вросшие в сознание догмы советской политической науки. Именно поэтому, следуя ленинским принципам, оппозиция ошибочно убеждена, что смена власти должна происходить через социальные революции, а методы парламентаризма для слюнтяев и «ботаников». Что чрезвычайно устраивает власти, на стороне которых все силовые структуры страны. Есть ещё и те, которые спрашивают у власти разрешения стать лидерами оппозиции. За них просто стыдно. С другой стороны, в условиях российской тоталитарной системы, возникновение сильной оппозиции вряд ли возможно. Власть жёстко пресекала бы любые попытки таких образований. Единственным способом действий в таких условиях является внезапное (тем не менее, хорошо подготовленное) появление оппозиционной политической силы, буквально, за месяц до выборов, когда власти уже не сумеют среагировать. На это потребовались бы, кроме подготовки, большие деньги и, что гораздо важнее, недюжинные способности и незаурядная смелость. На такие действия может быть способен лишь человек, который искренне желает изменить судьбу страны, а не получить контрамарку на спектакль «Роспила». Среди сегодняшней оппозиции таких, к сожалению, нет.

Так что же, безвыходная ситуация? Совсем нет. Прежде всего, необходимо осознать, что власть развращает. Любая власть развращает. Любая власть развращает любого властителя. Именно поэтому, власть должна опираться на следующие основополагающие принципы: выборность, сменяемость, дробность и, в некоторых случаях, коллегиальность. Хотя я не поддерживаю идею широкого распространения коллегиальности как принципа управления, считая, что её во многих случаях можно заменить дробностью, то есть сужением и персонификацией сфер ответственности. Используя правильно эти принципы, власть станет прозрачной, а неминуемые поначалу ошибки

избирателей перестанут быть роковыми. Выборность властей приучит народ к ответственности, когда в сочетании со сменяемостью, у избирателей возникнет возможность сравнения. Дробность функций и сменяемость изменят представителей власти — исчезнет возможность использовать власть в личных целях, по крайней мере, в крупных размерах и долго. Уже неплохо! Дальнейшее общественное развитие приведёт к повышению порога совершения должностных преступлений, довершая то, с чем не в состоянии справиться выборность и сменяемость. Применение этих принципов, однако, не даст быстрой и позитивной отдачи без коренного структурного изменения власти. Пирамида сегодняшней власти должна быть перевернута с ног на голову. Более тысячи лет в руках правителя России, как бы он ни назывался — великий князь, царь, император, генеральный секретарь, президент — концентрировалась практически вся воображаемая власть. Неудивительно поэтому, что россияне и сегодня видят в правительстве лишь одного человека. Он является олицетворением ВСЕЙ власти, он же — за всё происходящее в ответе. Трудно представить себе Николая Саркози за рулём комбайна, Дэвида Кэмерона за штурвалом самолёта, тушащего лесной пожар или Ангелу Меркель с бормашиной в руке, предлагающую «полечить зубы» губернатору. Всё это, однако же, органично вписывается в канву российской власти. Народ продолжает наивно верить в доброго «царя-батюшку», который всё хорошее знает, а всё плохое от него скрывают, и он всё умеет и горе «рукой разведёт». А по-восточному хитрые правители «разводят» народ, подыгрывая ему и не забывая о предстоящих выборах.

Российская власть должна быть децентрализована, причём таким образом, чтобы самой большой властью стали обладать местные власти, а самой маленькой высшие властные структуры, такие как президент и председатель совета министров. Пора вспомнить, что Россия — федеративное государство. А федерация (лат. foederatio — объединение, союз) — форма государственного устройства, при которой части федеративного государства являются государственными образованиями, обладающими юридически определённой политической самостоятельностью. Субъекты федерации должны обладать большей властью на своей территории, чем федеральные власти, но меньшей, чем местные территориальные власти. При таких структурных изменениях восстановятся управленческие функции властей. При этом, ни на одном участке власть не будет концентрироваться так сильно, что это могло бы привести к негативным явлениям, например, к коррупции, рейдерству и т.п. Вместе с этим неминуемо произойдёт уменьшение количест-

ва чиновников, которых в России невероятное число. Даже со времён последних советских лет их число возросло вдвое, хотя огромное количество государственных функций отмерло, в связи с появлением частной собственности. Централизация власти потребовала, отчасти, появления новых дублирующих должностей в госструктурах, хотя штаты раздуваются и нарочно, для создания «тёплых мест» лояльным режиму гражданам, а также для создания буферного слоя «довольных» между властью и народом. Сама структура нынешней российской власти архаична. Давным-давно французскими просветителями были определены три ветви власти, в идеале, независимые

Шарль-Луи де Секонда,
барон Ля Брэд и де Монтескьё
(1689 – 1755)

французский писатель, правовед и философ, автор романа «Персидские письма», статей из «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремёсел», сторонник натуралистического подхода в изучении общества. Ввел термин «разделение власти».

друг от друга — законодательная, исполнительная и судебная. Европейская демократия зарождалась в условиях династического правления, да и сегодня ещё добрая половина европейских государств являются монархиями. Возникшие на месте монархий республики не смогли избавиться от вековых традиций, в силу чего в них возникла дополнительная государственная должность, по своему политическому характеру похожая на должность монарха. Это — президент. По конституции многих европейских стран, в том числе и России, президент не является главой ни одной из ветвей власти. По сути, созданная в дипломатических целях для общения с монархами, должность президента является лишней (не путать с США, где президент — глава исполнительной власти, исполня-

ющий, таким образом, обязанности премьер-министра). В особенности, в России, где власть безраздельно находится в руках одного человека. Однако, даже по сравнению со двором Николая II, аппарат Президента РФ является гораздо более многочисленной и дорогостоящей организацией. И если представители рода Романовых обладали реальными рычагами власти и использовали их, то президент РФ лишь мешается то там, то сям, влезая то в дела, находящиеся в компетенции премьер-министра, то суда, то законодателей. Для управления страной вполне хватило бы нескольких федеральных министерств и премьера, который бы совмещал свою должность с каким-либо министерским портфелем, как это было до октября 1917 года. Естественно, при действующих независимых судах и парламенте. Вернув власть на места и сократив центральный аппарат, Россия не только оздоровила бы политико-экономическую обстановку в стране, но и получила бы возможность для дальнейшего развития на современных основах. Изменённая на таких принципах власть стала бы не только эффективной, но и развивающей общественные отношения.

Вряд ли, однако, сегодняшние власти согласятся добровольно применять вышеописанные принципы. Существуют ли механизмы их внедрения, вопреки желанию властей, однако, в то же время, без прямой конфронтации с ними. С моей точки зрения, они не только существуют, но и подготовлены самой властью. Централизация власти в такой огромной стране как Россия порождает, как уже отмечалось, огромное количество бюрократии, и, тем не менее, ослабляет влияние власти на местах. Это приводит к появлению стихийных общественных образований, берущих на себя некоторые властные функции, с которыми государство уже не в силах справиться. В своё время, в России стихийно возникли Советы. В свои начальные годы, с 1905 до 1917, пока к Советам формально не перешла вся власть, они были вполне прогрессивными политическими организациями народа. Я считаю, что в России настало время возродить Советы. Но именно в том, первоначальном виде. Само слово дискредитировано действиями Советов народных депутатов в Советское время, поэтом новые Советы могут придумать себе более благозвучное название, например, «Народное собрание» или «Общественный договор». «Народные собрания» должны стать организацией самоуправления народа, объединяющей на добровольных началах жителей определённой местности. Естественно, как любой представительный орган, «Народные собрания» должны быть выборными, и выборы в них должны проводиться не реже одного раза в год. Избираемое на год «Народное собрание» должно заниматься решением местных проблем, а

также контролировать исполнение местными властями своих функций и соблюдения бюджета. Уверен, что в России найдётся как необходимое количество активных граждан, которые взялись бы за этот труд, так и достаточное количество проблем, которые этот орган мог бы решать. В этой связи очень своевременным кажется решение Президента РФ о смене названия правоохранительных органов, так как слово «милиция» освободилось для использования его по назначению — для дружин добровольных охранников порядка. Советы могли бы организовать и координировать деятельность местной милиции. Думаю, что репутация российской полиции очень быстро сделала бы милиционеров популярными и полезными. Сегодня, например, вышедших на митинг граждан встречает отряд ОМОН, которому безоружным людям нечем противостоять. Если же митингующих будет охранять местная милиция, то разбитых голов станет значительно меньше. Естественно, что общественные объединения граждан должны преследовать своей целью передачу местной власти в свои руки. Это должно стать главной перспективной целью «Народных собраний». Правильно организованные «Народные собрания», опирающиеся на поддержку населения, смогут легко преодолеть этот барьер и стать местной властью. Это, однако, не должно изменить принципов их организации — выборности, сменяемости и дробности функций. Таким нехитрым образом в России появится новая политическая элита, амбиции которой будут располагаться в сфере интересов народа, а не использования власти в личных интересах. До сих пор в России ничего подобного не было! Власть никогда не менялась снизу без кровопролития. Совсем бескровным, думаю, не будет и этот вариант. Все знают, как жестоко умеют сопротивляться местные власти. Взять в пример, хотя бы, историю Химкинского леса. Верю, однако, что любое насилие порождает насилие, и, следовательно, избежать насилия можно лишь неприменением силы. Касается это не только властей, но и сил им противостоящих. «Решитесь не служить ему более, и вы свободны одним желанием освобождения. Я не хочу, чтобы вы напали на этого врага, но чтобы вы только перестали поддерживать

его, и вы увидите, что он, как огромная статуя, из-под которой вынули основание, упадет от своей тяжести и разобьётся вдребезги» — такого мнения был ещё один древний француз Э. Лабоэти. А уж французы, поверьте, обладают огромным опытом борьбы за власть и с властями. С другой стороны, именно ситуации, подобные защите Химкинского леса, рождают и неформальных лидеров, как Чирикова. Их них и должны получиться следующие правители России.

Как бы то ни было, предложенные мною «Народные собрания» могут решить не только политическую ситуацию на местах. Образование таких властных структур может повлечь за собой изменение всего строя жизни России. Одновременно с этим, предложенные мною меры являются единственным видимым бескровным выходом для нынешней центральной власти. Их сегодняшнее положение напоминает Египет и Ливию несколько лет назад. Единственное, что продолжает оставаться загадкой — сколько лет назад? Пять, два, один... Нынешняя власть поставила себя в такое положение, что их выбор расположен в промежутке между Тунисом и Румынией. Плохи оба варианта, но суд и эмиграция всё же лучше, чем расстрел без суда на заднем дворе. Децентрализация власти, уменьшение бюрократического аппарата, смещение властных функций на места, смена местных администраций народными выборными «Народными собраниями», сделает из нынешних всевластных владык простых чиновников, основной функцией которых будет представлять Россию на различных международных площадках. Оставаясь номинально на своих постах, но передав властные функции народу, нынешние правители получают возможность уйти из политики без излишнего драматизма. Уверен, что для них это единственный мирный выход. А русский народ не злопамятен. Переживал он в своей истории и больших извергов: Ивана Грозного, Петра Великого, Сталина, наконец. Эти хоть и ограбили собственный народ, но за ними не тянется такого кровавого следа, как за вышеупомянутыми. Нет другого выхода не только у правителей России, но и у народа.

Продолжение следует. В следующем номере читайте: Часть VI. Армия и внешняя политика.

Russia XXI century.

Part V. Politic system

Leo Kostylev, the president of IAPP, continues his large-scale study of actual Russia. This issue is focused on politics. He begins: «Russia has been always unlucky with its rulers. Being divided into two unequal parts for centuries, the country had double life. The majority – its people – existed by itself with own laws and regulation. And a small elite has its own. Life paths of these two groups of Russian people rarely came into contact. Common people have always disliked the state, whatever it was, and they were suspicious to all undertakings. And authorities rarely needed their people. Most often they were needed in order to lost their lives in another military affair started by authorities because of insatiable greed or ill diplomacy».